

Тесла попытался вздохнуть, но кровь, набившаяся ему в легкие заставила того откашляться совершенно не по-джентельменски.

"Ха, какая нелепость, смерть до начала боя" - Тесла бы улыбнулся подобной глупости, если бы улыбка не могла вызвать новый приступ кровавого кашля.

Тесла был мертв, технически говоря. Даже Слуга не способен прожить без сердца, исключая, возможно, парочку особенных случаев - к которым, увы, сам Тесла не относился.

Уничтожение сердца или головы было единственным известным корректным способом убить практически любого Слугу, поскольку призванные Слуги обладали отвратительным свойством выживать даже после получения самых страшных ран, что легко могли бы окончить жизнь обычного человека.

Однако Тесла не собирался умирать... В ближайшие несколько минут. Потом - возможно.

Среди Легенд героев Земли существовало слишком много "непобедимых", тех, что "продолжали сражаться, даже будучи смертельно ранеными". Тесла не был таковым, однако он был Прирожденным Гением.

Способность подобная способности Да Винчи в руках Теслы имела некоторые особенности, однако действовала не менее верным образом. Поэтому прямо сейчас Тесла использовал необъятные просторы собственной силы для того, чтобы копировать навыки подобные "Продолжению битвы", позволяя своему телу существовать даже после полученных повреждений, что должны были его уничтожить мгновенно. К великому сожалению Теслы резерв этих способностей был не безграничен - и, к не менее великому сожалению, все, что потребовалось сделать Аинзу, чтобы, фактически, однозначно обозначить смерть Теслы - это использовать лишь одно заклятие.

"По крайней мере я вижу, почему Мастер был столь заинтересован в сражении с тобой" - Тесла почти ухмыльнулся, удержавшись лишь мыслью о последующем кровавом кашле, после чего атаковал.

Огромная молния, что заставила бы наблюдателей открыть рты в удивлении, замороженно наблюдая не менее, чем за божьим гневом, ударила в свою цель - но как и в прошлый раз лишь бессильно скользнула по телу противника Теслы, не причинив тому даже самых незначительных неудобств.

Спустя еще мгновение вырвавшиеся со словом мага из-под земли цепи, словно бы сплетенные из сотен переплетенных между собой костей впились в тело Теслы, обвинив того полностью, мгновенно прижав того к земле, ударив Теслу головой о землю.

Тесла понимал, что его атаки не действуют на его противника - и он явно находился не в том положении, чтобы тянуть свои козыри до последнего - но вместе с тем Тесла не мог и просто так раскрыть свою силу противнику. По крайней мере - точно не лежа в грязи!

Спустя еще мгновение навыки Теслы изменились - и цепи, до того сковывающие его тело, задрожали, лопааясь одна за одной...

Прежде чем следующее заклятие не врезалось в шею Теслы.

Аинз, противник Теслы, не разменивался на пространные диалоги и философские рассуждения о жизни, продолжая бить спокойно, уверенно и наверняка. Атака в шею должна была лишить

Теслу головы - безо всяких предисловий и проверочных шагов.

К сожалению великого ученого, даже все способности Теслы не позволяли тому продолжить существовать без головы.

К сожалению Аинза - Тесла обладал собственным значительным запасом способностей.

И хотя используя свой навык "Прирожденный Гений" Тесла мог бы подобрать необходимый набор способностей для нейтрализации заклятия Аинза, в данный момент большая часть резервов этого навыка была направлена лишь на поддержание жизни Теслы. Однако, помимо этого навыка Тесла был одарен и несколькими другими.

И потому заклятие Аинза, едва сверкнувшая холодным ледяным светом вспышка, устремившись к шее Теслы, мгновенно померкла, прежде чем взорваться столпом искр.

Спустя еще мгновение молния ударила в Аинза вновь - однако если те атаки, что Тесла использовал до того можно было назвать "божьим гневом" - то ныне это было подобно стреле Зевса, возвещающей о начале Титаномахии.

Молния ударила в Аинза, пробиваясь через все защиты, заставив Теслу улыбнуться в ожидании.

Крика боли - не то, чтобы Тесле приносило удовольствие причинять боль, сколько ему нравилась реакция людей на его силу - или, может быть, неверящего восклицания, потрясенного крика...

Однако все, что он услышал в ответ было легким вздохом,- Хм?

Тесла перевел взгляд, глядя на Аинза, чтобы увидеть того стоявшего на своем месте, тело не тронутое атакой Теслы, а взгляд не более удивленный, чем незаинтересованное удивление скупающего работника, заметившего пролетевшего рядом с окном своего офиса голубя.

Тесла замер, глядя на своего противника.

Гальванизм, его второй навык. Второй навык, служащий великолепной козырной картой Теслы - его проявление в качестве "ученого, подчинившего мир электричеству".

Бестелесная магия, энергия без формы, нарушающая устои человеческого социума подчинялась Тесле, что единолично возвестил эпоху электричества, правя магией как демифологизированной силой человеческой науки. Науки, безусловно, эзотерической - но оттого не менее точной и понятной, нежели любая наука - и, как и следовало ожидать, Тесла, Король Молнии, Гений Всех Наук, подчинял себе любое человеческое знание.

Конечно, к сожалению, существовала невероятная разница между простой наукой и сложной наукой магии, потому способности Теслы в этом плане были ограничены - но если направленное против него заклятие несло в себе энергию - для Теслы это заклятие было не более опасно, чем любая искра электричества. А электричество подчинялось Тесле.

Однако неуязвимость Теслы относительно некоторых заклятий не была единственным козырем его навыка - нет, подчиняя себе заклятия с легкостью тот был способен извлечь из них собственную суть, обращая магию в чистую силу, в электричество и в собственную ману, становясь настоящим убийцей магов. Атака Теслы, поглотившего силу заклятия Аинза была сильнее в несколько раз, и все же...

-Хм,- Аинз лишь еще раз кивнул, прежде чем в Теслу врезался огненный смерч - также обратившись в силу Теслы, ударив в Аинза.

В Аинза, что был слишком подготовлен для того, чтобы способность даже подобного уровня силы смогла его ранить.

Удостоверяясь в особенностях действия навыка Теслы, спустя мгновение в Слугу-ученого врезалось несколько возникших из ниоткуда ледяных игл, отраженных исключительно действием Прирожденного Гения последнего. К сожалению, магия, что имела физическое воплощение была неподвластна Тесле.

-Хм, лед?- спустя еще мгновение Аинз исчез из поля зрения Теслы, прежде чем ледяное торнадо Аинза поднялось вновь, поглощая фигуру Теслы - прежде чем быть поглощенным силой Теслы.

Еще одна молния сверкнула, освещая громовым разрядом подземелья Лондона - однако Аинз телепортировался вновь.

-Хм, интересно,- голос Аинза, впрочем, не выражал никакой особенно заинтересованности, большей, которую мог испытывать скучающий посетитель, наблюдающий за совершенно обычным процессом приготовления кофе.

Тесле было неприятно.

Ему было неприятно быть слабым, неприятно не иметь возможности ничего противопоставить своему противнику - но неприятнее всего тому было встретиться с незаинтересованным взглядом своего противника, оценивающего Теслу словно бы третьесортный экспонат музея.

Тесла скривился на мгновение, прежде чем новый приступ кровавого кашля скрутил того, заставляя его склониться, обнажив свою незащищенную атаку для удара вырвавшегося из-под земли гейзера лавы, мгновенно оплавившего плащ того, сплавляя кожу с тканью.

Тесла не просто проигрывал - его уничтожали. Методично, быстро, с отточенностью машины, двигающейся в размеренном, одному ей ведомом темпе.

Тесла бросился вперед, отклонив атаку вырвавшегося луча света, не надеясь даже на минимальную эффективность ответного удара, скривившись.

Он не просто терял время - он не мог ничего противопоставить своему противнику.

Хотя он был силен. Он смог бы составить достойную конкуренцию Королю Штормов или Да Винчи.

Просто все они не могли составить достойной конкуренции Аинзу.

Тесла ухмыльнулся на секунду, мгновенно скривившись в приступе кашля.

Возможно, именно это и было необходимо.

Если Аинз сможет победить Короля Королей - Тесла даже простит ему свой проигрыш. Однако прежде, чем это произойдет.

Тесла в последнее мгновение поднялся, глядя на Аинза, что перестал телепортироваться, на секунду замерев, глядя на Теслу.

Судя по тому, что увидел сам Тесла - Аинз осознал следующий шаг своего противника с ясностью, отточенной годами практики. И хотя тому стоило атаковать - Аинз предпочел не рисковать, опасаясь суицидального движения Теслы или его Продолжения битвы, тот решился на всякий случай подготовиться дополнительно к Фантазму Теслы.

Умное решение. Возможно даже верное.

До этого Тесле не приходилось увидеть никого, кто был бы способен выдержать напор его Фантазма - но, возможно, Аинз станет первым, кто сможет удивить Теслу настолько сильно.

Тесла взглянул в глаза Аинза, чувствуя, как стремительно редуют его, казалось бы, безграничные силы, и улыбнулся,- Система Кеуранос!

Крисаор, парадоксальное создание, не мог быть уничтожен.

Просто сила, просто способности, просто легенды не могли уничтожить "неоконченный парадокс", вынуждая противника вступить в бесконечный бой без окончания.

Бармаглот, придумка английского математика, не мог быть уничтожен. Ведь в его истории не было описано условия его гибели.

Воплощенная детская сказка, Бармаглот был прообразом "непобедимого чудовища", что должен был убить герой своим "вострым мечом", и потому, покуда против него не было "героя" и не было "вострого меча" - Бармаглот не мог быть побежден. Ведь в его истории были указаны условия его гибели.

Монструозная фигура Бармаглота бросалась вперед с озверением Берсеркера, пока Крисаор лишь отводил его атаки, нанося парирующие удары, что бессильно скользили по твердой шкуре "непобедимого зверя".

Алиса продолжала незаинтересованно глядеть за бессмысленным боем, с механической безразличностью, с которой могли бы поспорить лишь фарфоровые куклы на прилавках коллекционных магазинов.

Все равно это было бессмысленно.

Как было бессмысленно столкновение двух непобедимых зверей - так была бессмысленна битва Алисы и Медузы - так было бессмысленно сопротивление Слуг Королю Королей.

Его нельзя было убить. Его нельзя было остановить. Его нельзя было убедить. И он не остановится, никогда, пока все не будут мертвы.

Алиса была безэмоциональна - но не потому, что была бесчувственна, сколько от простой бессмысленности. Если уничтожение человечества нельзя было остановить - не было смысла в том, чтобы сопротивляться Королю Королей и не было смысла в чувствах, в жалости или в предательстве. Если бессмысленна была книга - никакое предложение в ней не имеет смысла. Если сражение было бессмысленно - значит никакое действие, чувство, желание в этом бою не было осмыслено.

Алиса не хотела уничтожать мир. Но сопротивление подобному было бессмысленно.

Наблюдая за тем, как бронзовый гигант, несущий золотой клинок, наносил удар за ударом по неуязвимой громаде "чудовища, что не победить", Алиса меланхолично рассуждала о бессмысленности сопротивления.

Медуза, прячущаяся за громадой столь неожиданно ловкого бронзового гиганта, должна была это знать. Должна была знать о том, что некоторые вещи просто невозможно изменить. Что в сопротивлении им не было никакого смысла.

И все же Медуза затягивала этот бессмысленный бой, словно бы надеясь на то, что ее Мастер появится и спасет ее из созданного пата. Возможно. Алиса не могла отрицать того, что победа Медузы в текущих условиях при вмешательстве другого Слуги или Мастера была возможна. Однако Алиса точно также была уверена, что никакая помощь не спасет от гнева Короля Королей. Алиса знала слишком много того, что ей не следовало знать.

Даже карточные солдаты, которых Алиса призвала чуть ранее теперь были бессмысленны и отозваны обратно. Сражение было бесконечно по своим условиям.

Спустя мгновение взгляд Алисы, отвлеченной от сражения, перенесся на фигуру бессмысленного столкновения двух легендарных чудовищ...

Но лишь для того, чтобы заметить отсутствие Медузы на своем привычном месте, на плече Крисаора.

Алиса мгновенно поняла, в чем заключался дальнейший план Медузы, не став защищать себя от стремящегося к ее телу удара. Это было бессмысленно.

Медуза, воспользовавшись отвлечением своего противника, бросилась вперед, обойдя на мгновение в скорости Бармаглота, вонзив клинок в тело Алисы. Эффективных, хоть и далеко не столь эффектный ход.

Клинок Медузы вонзился в тело Алисы, пробивая то насквозь и...

-Жаль,- Алиса мгновенно перестала улыбаться, вернув на лицо свое безэмоциональное выражение,- Бармаглот!

-Крисаор!- Медуза ответила мгновенно.

Два легендарных и непобедимых чудовища возникли на поле боя.

Мгновенно, между двумя сражающимися возникла преграда, прежде чем Медуза осознала неправильность происходящего.

-Это уже случилось,- взгляд Медузы наткнулся на совершенно не раненную фигуру Алисы, стоявшую на своем месте.

-Да,- Алиса ответила просто,- Вечный Двигатель Империи Девы.

Все это было бессмысленно. Не только сражение Бармаглота и Крисаора, но сражение Алисы и Медузы.

Медуза могла обойти Бармаглота, нанеся Алисе удар, но имело ли это смысл, если каждой своей гибелью Алиса могла вернуть назад время к началу сражения Медузы и Алисы?

Как история не имеет начала и конца, лишь разные обертки книг, воплощающие ее - так

читатель возвращается каждый раз к началу, дойдя до конца очередной книги.

Алису нельзя было победить не потому, что она была сильной Слугой - а потому, что она не допускала самого понятия "поражения".

Алиса была Слугой, что стремилась к "счастливому концу". Поражение не могло быть "счастливым концом". И потому Алиса, отвергая собственную смерть как "несчастливый конец, что я отказываюсь принимать" возвращалась к началу книги раз за разом.

Сражение с ней было бессмысленно.

Судя по тому, как опасно сверкнули глаза Медузы под очками - та поняла это не хуже самой Алисы.

Доктор Джекилл и Мистер Хайд. Одна из классических книг своего времени, великолепный образчик бульварной литературы, ставший мировым шедевром позднее. Одна из наиболее ранних историй, что впервые облекла историю о моральной двойственности человека в научные теории своего времени, создав историю о раздвоении личности.

Доктор Джекилл, возвышенный джентльмен выдающихся положительных качеств, филантроп и эстет, истинный британский джентльмен и ценитель против своего альтер-эго, жестокого и злого, бессердечного и развязного Мистера Хайда.

Доктор Джекилл, отвращенный своей натурой и страдающий от ненависти к самому себе, и Мистер Хайд, презрительный к мягкосердечному и мягкотелому джентельмену, слишком слабому даже для того, чтобы признать свои собственные человеческие желания и низменные устремления.

Шекспиру был предоставлен великолепный набор, в котором сам он был не менее, чем богом. Ведь величайшей силой и слабостью Джекилла и Хайда было именно то, что история реального ученого выродилась в литературное творение.

Творения имеют свойства возвращаться вновь и вновь, реинтерпретируясь и изменяясь, обрастая новыми подробностями и изменяя неизменные каноны, создавая общую картину из тысячи разрозненных лоскутов. И именно этому Шекспир и был рад - поскольку полотно, сотканное из тысяч лоскутов было так легко разорвать на части!

Каждая мысль, чья правдивость была утеряна в водах времен была доступным ему клинком, лезвием, что он мог вонзить в воспаленный разум разорванного на части Слуги.

Каждое впечатление читателя, каждая невысказанная теория была его хлыстом и цепью, вонзающейся в плоть беззащитного Джекилла.

"Он ненавидел себя" - и фраза, что была брошена безвестным критиком вонзалась в разум созданного Слуги.

"Обе стороны его личности презирали друг друга, как может презирать себя лишь сам человек" - и желчь смешивалась с кровью, поднимаясь по пищеводу Слуги.

"Его исходом было самоубийство - и никакого иного исхода не могло существовать для него" - и надежды, мечты, желания, стремления, цели Слуги обращались в прах.

Как вивисектор, наслаждающийся мучениями жертвы, Шекспир смотрел с затаенной усмешкой как вился в его руках пойманный Слуга, зачитывая строфы своего бесконечного монолога словно строфу обвинения.

"Он был брошен друзьями, брошен семьей, но прежде всего - он был брошен самим собой" - и от Доктора Джекилла не осталось более ничего. Лишь иссушенная оболочка, скелет, едва обтянутый плотью страданий и боли.

Нет, Шекспир не наслаждался причинением страданий - но если он желал написать трагедию - то под конец спектакля аудитория должна быть мертва не менее, чем герои трагедии. Таково было правило Шекспира.

Бессильно, Джекилл стоял столь слабый перед Шекспиром, что вызвало усмешку у последнего - "На том и оборвались мучения Доктора Джекилла и Мистера Хайда."

Шекспиру потребовалась целая секунда на то, чтобы осознать, что последняя его фраза была произнесена на два голоса одновременно. И если голос Шекспира был тому известен и, безусловно, приятен - то второй голос вовсе не вписывался в план его постановки!

-Но после страданий пройденных - Доктор Джекилл был мертв,- голос говорившего был надменным и несколько насмешливым,- Но не был мертв Мистер Хайд. Мерхен Майнес Либенс.

Шекспир мгновенно нашел взглядом вмешавшегося в его пьесу нарушителя, бессильно скрипнув зубами,- Андерсен.

Синеволосый мальчишка лишь улыбнулся тому,- Повтори это имя еще пару раз, Шекспир. Пусть в твоей голове появится не только твоя бессмысленная писанина - но и немного мозгов.

Сражение Артурии и Мордред несло в себе символическое значение, отражение их легендарной дуэли, перенесенное через века, на священной земле Британии. В этой битве была история, сила, метафора и...

Артурия не реагировала на это сражение никаким образом. Ни долгих, печальных взглядов - ни пылающего гнева. Удар за ударом методично сталкивался, отражаясь звоном клинков, разносящимся вокруг, заставляя Мордред наносить удар за ударом, ускоряя ритм боя.

Артурия отвечала на атаки Мордред с издевательской легкостью - хотя их параметры были соотносимы, если не идентичны - однако благодаря магии Аинза Артурия превосходила свою соперницу достаточно для того, чтобы продолжать сражение холодно, незаинтересованно, механически.

Мордред бросала взгляд на Артуру, лишь подыскивая цель новой атаки, но не доводила взгляд до лица Артурии, продолжая атаковать.

С тем же задором, с которым она сражалась всегда - но без ненависти или злобы, без звериной жестокости, прячущейся за каждым ударом, парируя атаки лишь для того, чтобы атаковать вновь.

Артурия могла убить Мордред. Возможно, это было бы не так легко - но в данный момент Артурия превосходила своего противника достаточно для того, чтобы дальнейшее сражение не

вызвало у той никаких затруднений.

Артурия механически сражалась, не обращая внимания на удары, не позволяя бою поглотить ее с головой, практически безэмоционально, но...

Она медлила.

Было слишком легко не заметить медлительности Артурии. В сражении двух Слуг не было места наблюдателю, не было места размышлениям, рисунок боя менялся с каждой секундой - даже мастерство другого Слуги не могло подсказать, что Артурия медлила со своей новой атакой.

Лишь Мордред знала об этом.

Мордред знала Артуру лучше, чем ту знал кто-либо на этом свете, не важно, сколько масок та сменит и сколько раз изменит свой путь. Мордред видела Артуру насквозь, как видела ее мучительное, издевательское промедление.

"Ну же!" - Мордред сжала клинок - "Дерись со мной!"

Артурия парировала атаку за атакой, переходя в наступление, что оканчивалось ничем.

"Ну же!" - Мордред оскалила зубы - "Нанеси удар!"

Артурия медлила, отпуская десятые доли мгновения, которой той бы хватило для того, чтобы перейти в наступление.

"Дерись! Дерись!" - Мордред вкладывала в каждый удар свою мысль - "Дерись со мной!"

Но Артурия медлила, отбивая удар за ударом, словно бы даже не обращая внимания на сражение.

"Ну же!" - Мордред сжала челюсти так сильно, что ее зуб издали неприятный хруст, словно бы крошась от напора - "Возьми свой клинок в руки и сражайся!"

Артурия медлила, оглядывая Мордред не как противника, а как странную диковинку передо мной.

Ни сожаления, ни ярости, ничего.

-СРАЖАЙСЯ СО МНОЙ!- Мордред была первой, кто не выдержал холодного изучающего взгляда Артурии, - СРАЖАЙСЯ В ПОЛНУЮ СИЛУ!

Артурия не ответила на это восклицание, нанося удар за ударом.

Что она должна была ответить? Что она чувствовала в этот момент? Что она хотела бы высказать Мордред? О сражении, о предательстве, о миссии?

-СРАЖАЙСЯ!- Мордред взревела вновь, бросаясь вперед, безрассудно подставляясь под удар. Артурия могла окончить сражение здесь и сейчас, лишь один удар, что лишил бы Мордред головы.

Но Артурия медлила. Уклонившись от удара, та наказала Мордред за ее безрассудную атаку лишь небольшим ранением, прежде чем отступить вновь.

-СРАЖАЙСЯ! СРАЖАЙСЯ! СРАЖАЙСЯ!- Мордред, видя с болезненной ясностью, продолжала атаковать раз за разом, желая увидеть Артура в бою. Серьезную, сражающуюся со всей своей силой.

Но Артура медлила, глядя на атаки Мордред, заставляя ту сжимать зубы.

Мордред нанесла еще один удар, чтобы отступить назад, разрывая дистанцию. Это было знаком, согласно которому Слуга подготавливался к своему Благородному Фантазму - однако вместо рыка Артура услышала лишь тихий хрип.

-Неужели ты настолько ненавидишь меня?- Мордред произнесла, глядя в пол, сжимая до боли Кларент,- Настолько, что не желаешь даже сражаться со мной?

И, впервые за все время сражения, Артура ответила,- Нет.

Мордред подняла взгляд, разбитый и ненавидящий одновременно, слыша следующие слова Артуры,- Я не ненавижу тебя.

Мордред замерла на секунду, прежде чем гнев окончательно вскружил ей голову.

Мордред бросилась вперед, с кличем, переходящим в вой.

КАК ОНА СМЕЛА?! КАК ОНА СМЕЛА?! КАК ОНА СМЕЛА?!

Атаки Мордред были хаотичны, наполнены злобой, наполнены ненавистью и горечью. Но Артура отбивала удар за ударом.

-Это причина, по которой ты скрывала свое лицо?- Артура, отбивая удар за ударом, произнесла спокойно,- Тогда я поняла.

Мордред сжала клинок со всей своей яростью, нанося удар за ударом.

Артура медлила потому, что ее интересовало - почему Мордред прятала свою личность.

-СДОХНИ! СДОХНИ! СДОХНИ!- Мордред била со звериной жестокостью, слыша, как трещат пластины ее доспеха, едва способные удержать ее гнев,- Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!

-Я не ненавижу тебя, Мордред,- Артура ответила спокойно, так, что ее голос потонул для стороннего наблюдателя в лязге металла - но был слышим для единственной, кому этот голос был предназначен,- И я не люблю тебя. Ты лишь одна из моих рыцарей, что недостойна моего трона. Не более того.

Услышав эти слова, гнев, ненависть Мордред, замерли на секунду.

-Я СРАЖАЛАСЬ ТОЛЬКО РАДИ ТВОЕГО ПРИЗНАНИЯ!- Мордред нанесла удар вновь,- ТОЛЬКО РАДИ ЭТОГО!

-Ты получила мое признание,- Артура отбила атаку вновь,- Как рыцарь круглого стола, как мой последователь - ты была признана.

-Тогда ради чего мы сражаемся?- эти слова не были выкриком, вырвавшись задушенным хрипом,- Ради чего, отец?!

-Потому, что ты осталась рыцарем, ищущим не признания, а трона, похвалы, славы,- удар

Артурии врезался в тело Мордред, отбрасывая ту, - То, чего я тебе никогда не дам.

Мордред, обессиленно, медленно поднялась на ноги, словно бы враз растеряв все свое желание к сражению.

-Почему ты просто не мог признать меня, отец?- глядя на Артура, Мордред оперлась на клинок, вонзив Кларент в землю.

-Потому, что мое бремя - бремя короля,- Артурия ответила коротко,- И то, что ты не можешь понять меня - значит лишь то, что ты никогда не будешь королем.

Атаки Короля Штормов не достигали своей цели, заставляя ту изменять свою позицию раз за разом, уклоняясь от выстрелов Нобунаги.

-Я рассчитывала на большее, Король Штормов,- ее голос был насмешливым и вовсе не впечатленным,- Неужели это все, что ты можешь мне предложить? Бежать как крыса, спасаясь от атак?

Слова Нобунаги резали ухо Королю Штормов, но отреагировать каким-либо образом та не могла. Ее атаки были сильны - но бесполезны. Ее усиление было смертоносно - но безвредно. Ее навыки были отточены - но бессмысленны.

-Скажи мне, ты называешь себя Королем Штормов, Артория Альтер,- Нобунага говорила уверенно, перемещаясь по полю сражения лишь ленивым шагом, продолжая создавать раз за разом новые и новые залпы ружей, словно бы загоняя бессильного зайца в силки,- И проигрывая "фальшивому Королю" - не стыдно ли тебе за свой титул, Король Штормов? Что стоит твое имя без твоего титула?

Артория Альтер была загнана в угол, но не показывала своей слабости или пораженческого настроения, продолжая уклоняться от атак.

Это сражение не просто было предрешенным - оно было односторонним, более похожим на избиение, нежели на битву. Нобунага могла бы насладиться своим превосходством в полной мере, однако ее высокомерная, насмешливая часть, не возобладали над ее рациональным разумом.

Нобунага скривилась внутренне, представив, насколько сильно упадет ее медленно обретаемая репутация, если та позволит Артурии умереть рядом с ней, прежде чем вздохнуть и, щелчком пальцев, призвала свою силу.

Мгновение спустя Нобунага оказалась рядом с Арторией, после чего ту окружила стена ружий.

Десятки, сотни, тысячи стволов возникли вокруг Артории непробиваемым частоколом, наставив дула на Короля Штормов, поднимаясь до самых небес, заключая Слугу в купол.

-Последнее слово?- не удержавшись от последнего мгновения ощущения собственного превосходства, Нобунага заглянула в глаза застывшей перед ней Артории.

Артория, Король Штормов, лишь взглянула на Нобунагу внимательно, перехватив свое копьё,- Ронгоминияд.

Спустя еще мгновение волна силы, словно бы вырвавшаяся молния, ударила во все стороны, прорываясь даже через нематериальность Нобунаги, отбросив ту, мгновенно изничтожая созданное той оружие.

Спустя еще мгновение Артурия перевела свой клинок на Нобунагу, поднимавшуюся с Земли,- Копье, что сияет до краев Земли.

Отрывок историографического очерка "Сравнение легенд древних империй, параллель между древним Китаем и Римской Империей":

Ввиду особенностей существования государственных образований древних времен проведение значительного количества параллелей между литературой, письменностью и мифотворчеством различных государств прошлого не составляет особенного труда, однако определенный интерес исторического исследования представляет детальный анализ определенных схожих черт государств.

Божественное право, как наиболее раннее из обоснований правления, представлено в истории древнего Китая в качестве Небесного Мандата, в то время, как Римская Империя и ее традиция обожествления императоров значительно связаны между собой - но больший интерес представляет легендарное "нарушение" этого правила. В частности, существование Цзин Кэ, ассасина, посланного для убийства будущего императора Цинь Шихуан-ди, не подвергается сомнению современными историками - в то же время существование неизвестного убийцы, совершившего покушение на Императора Нерона (которого в данный момент, после проведенной эксгумации и анализа костей, предполагают носителем редкого генотипа, вероятно синдром Клайнфельтера, из-за чего корректное определение его пола не представляется возможным) в данный момент отнесено к разряду исторических легенд. Хотя сам факт возможного покушения, завершившегося неудачно, "почти-смертью" Нерона, и вероятен - участие в нем "убийцы из далеких земель, подосланного варварами и погибшего от рук оживших мертвецов" не вызывает значительных разногласий в среде историков. Нам же кажется, что данная легенда демонстрирует не только степень отчаяния, до которого был доведен при правлении Нерона народ, но и чужеродность самой идеи атаки на Императора в умах простых людей - в частности, предположение о "далеких землях" явно отражает чужеродность идеи убийства Императора для жителей Римской Империи, "сделка с варварами" отражает всю "испорченность" подобного деяния, а "смерть от рук оживших мертвецов" явно отражает "божественное наказание" за совершение подобного деяния, идущего наперекор убеждению жителей Римской Империи.

Впрочем, исторический консенсус о легендарности деяния до сих пор не послужил причиной закрытия существующих популярных туров к месту сохранения иссушенной мумии предполагаемого "убийцы Нерона", что, на проверку, оказался лишь женщиной с генетическим сродством к жителям древнего Китая. И хотя на данный момент не существует достаточно внятного предположения о том, как именно жительница Китая могла оказаться рядом с Римом в момент своей гибели - какова бы ни была предложенная версия - она однозначно окажется более реалистичной, чем существование "убитого живыми мертвецами" убийцы Нерона...